

СКИТЪ

III

ПРАГА

1935

ОКНО

Въ моей коморкѣ есть окно —
Его свѣтлѣе нѣту.
Игрою свѣта все полно
Оно зимой и лѣтомъ.

Когда весною все полно,
Какъ пѣной — выше края,
Захлебывается оно,
Потока не вмѣщая.

Когда же день, веселью радъ,
Спокойно отдыхаетъ,
Оно, какъ въ первый день, свой взглядъ
Вслѣпую расширяетъ.

И вечера послѣдній лучъ,
Случайно отраженный,
Летитъ, и грустенъ и тягучъ,
Въ пріютъ мой затаенный.

И даже ночью скудный свѣтъ,
Въ чужихъ дробяся стеклахъ,
Всегда прибережетъ привѣтъ
Въ своихъ лучахъ поблеклыхъ.

Да, счастливъ я! Завидно вамъ?
Какъ мнѣ чужое видно,
Такъ счастья не увидѣть вамъ:
Такъ сладко и обидно.

*
* *

Какая тѣнь связала ихъ
Межъ стѣнь, гдѣ воздухъ весь изучень?
Здѣсь тишина рождала стихъ,
И стихъ былъ тишиной измучень.

Скитался онъ по голосамъ,
Какъ ~~демонъ~~ ^{демонъ}, потерявшій крылья,
Еще тянулся къ небесамъ
Изъ забродившаго безсилья.

Растаявшимъ съ небесъ крыломъ
Стекала темень съ края крыши.
Былъ голосъ собственный въ быломъ
Чудеснѣй ангельскаго слышенъ.

А свѣтъ сталъ тусклымъ и пустымъ,
Какъ сонъ забывшаго о раѣ.
Струились голоса сквозь дымъ,
Въ глазахъ лишь пепель оставляя.

Быть можетъ, вздохъ одинъ живой —
И облетѣлъ бы сонный пепель.
И сразу свѣтъ иной — большой
Другъ въ другъ каждый бы замѣтилъ.

Но вдоха не родилъ никто.
Грудныя клѣтки заржавѣли.
Злорадствуя, въ отвѣтъ на то
Часы о вѣчности скрипѣли.

Г. Семеновой.

Узоръ легчайшій на окнѣ
И пѣсенка въ трубѣ пустая.
За тонкой гранью на дворѣ
Слѣпая стужа нарастаетъ.

Не такъ ли твой застывшій взоръ:
Тревоги скрытой отраженье.
И твой забавный разговоръ —
Лишь отплескъ горькаго смятенья.

*
* *

Отходя отъ сновидѣній ночью
Прямо къ смерти, — спящихъ не задѣнь...
Во сто кратъ свѣтлѣе и короче
Мнится нынче неизжитый день.
Не задѣнь лампы темно-синей,
И легко на кладбище ступивъ,
Очерти квадратъ на балдахинѣ
По землѣ волочащихся ивъ.
Чтобъ лежать въ землѣ тебѣ просторно,
Чтобъ былое дѣтство отыскавъ,
Желтый холмикъ кубиками дерна
Обложили у высокихъ травъ.
Чтобы прямо на зарытомъ горлѣ,
Опуская бѣлую ступню,
Мраморные ангелы простерли
Взмахъ крыла къ лампаднему огню.
Чтобъ, когда замшѣютъ эти складки
Мрамора на вскинутомъ плечѣ,
Ты бы все еще играла въ прятки
Вечеромъ въ гостиной при свѣчѣ.
Чтобъ тебѣ былъ близокъ настоящій
Дѣтскій и невозвратимый рай,
Одѣяла притянувши край,
Мертвая, ты притворилась спящей.

1934.

ДЕРЕВЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

На изнанку земля по веснѣ!
Перетряхивай ветеръ печали!
Это плугъ проплываетъ въ огнѣ,
Чтобъ у дальняго лѣса причалить.
А вверху у кладбищенскихъ стѣнъ
Словно плѣнная стая, украдкой,
Это ангелы, вставши съ колѣнъ,
Развѣвають замшѣлыя складки,
Бѣлый мраморъ спуская съ плеча,
Мохъ счищая съ застывшихъ ладоней...
Подъ ногою земля горяча,
Покидаемый плачетъ и стонетъ...
Но легко отгибая доску,
Какъ страницу на крайней могилѣ,
Онъ прикладываетъ къ виску
Жестяную повязку изъ лилій.
На дерновый садясь бугорокъ,
Онъ глядитъ, какъ дорогою мимо,
На небесный слетають порогъ
Дервенскіе херувимы.
Имъ у этихъ отверстыхъ гробницъ
Не склоняться надъ чьей-то виною,
Потому что воскресло весною
Сердце жадное самоубійцъ.

1934 г.

*
* *

Бродила комнатой, и какъ подъемный мостъ
Окно рванули высохшія вѣтки,
Тамъ звѣзды скачуть, распушая хвостъ,
Какъ бѣлки въ надоѣвшей клѣткѣ.
Тамъ можно вѣтра придержать струю,
Какъ за кормой упругое теченье,
Тамъ ангельское столоверченье
Избрало нынче плоть мою.
Накинь скорѣй на плечи простыню,
А прядь волосъ трепещетъ у ключицы,
Тамъ, испугавшись, къ млечному огню
Слетѣлись ангелы, какъ птицы.
Вѣдь ты живая? И вздыхаетъ жестъ
Небесная отъ тяжести ладоней.
Да, я люблю, и даже сердце есть
Въ моей груди, и кто-то сердце тронетъ,
Повертитъ словно розоватый плодъ
И вложить въ черное плетенье крови,
Но кто-то бросить и крылами словить
И словомъ ангельскимъ смятенно назоветъ.
И самый мудрый, пожалѣвъ меня
Иль любопытствуя, шепнетъ: послушай,
Стань духомъ, какъ другіе, и маня,
Заплещутъ гдѣ-то человѣчьи души.
Но оградясь горячею рукой,
Дрожащимъ тѣломъ падаю, теряя
На облакахъ, въ предмѣстьи рая,
Разсаду словъ, подсунутыхъ тоской.

1935.

Кирилль Набоковъ

*

* *

Шуршанье въ кустахъ, и въ прозрачномъ, какъ небо,
прудъ —

шорохъ и колыханье.

Звѣздная ночь, она бьется въ зеленой водѣ,
какъ мертвое воспоминанье.

И плещетъ о берегъ. И въ омутъ кидаясь,
какъ въ сны,
въ блаженное головокруженьѣ,
изъ знойнаго плѣна деревъ и весны
дрожащія падаютъ тѣни.

Лѣнивой волною текутъ подъ откосъ,
въ зеленую воду, и тамъ замирая,
но снова и снова въ шумящій хаосъ
изъ плеска воды, какъ изъ сна возвращаясь.

Изъ сна возвращаясь... ты помнишь тогда,
такое-жъ струилось и гасло сіянье
изъ ночи разлуки... забудь... навсегда...
улыбка и музыка и прощанье.

*
* *

Въ зеркальныхъ ледянистыхъ лужахъ
стояла темная вода,
а ночь была холодный ужасъ;
срывалась черная звѣзда
отъ гулкихъ ливней и вѣтровъ
на безнадежныя деревья
и на бульвары городовъ,
на наши дымныя кочевья.
И прошумѣли небеса,
какъ отшумятъ воспоминанья; —
въ пустые темные глаза
плыветъ холодное сіянье.
И непришедшая весна,
какъ будто медля въ отдаленьи,
въ безглазыя провалы сна
крылатою спускалась тѣнью,
напоминая намъ еще,
что подъ неистовствомъ несчастій,
нашъ крикъ и трепеть освѣщенъ
душой, разорванной на части.

IN MEMORIAM HOELDERLIN

Діотима вернись... я сгораю, падая въ тьму;
ты сквозь жизнь прорастала огромною тѣнью,
ты зимою цвѣла, ты, сіяя мнѣ одному,
а зима отвѣчала горячею розой и пѣньемъ.

Ты помнишь ту жизнь, Діотима? Тогда
всѣ ночи и звѣзды сквозь насъ восходили, —
и бились въ дремотѣ, въ зеркальныхъ тенетахъ
пруда,
а въ небѣ шумѣли орлиныя крылья,

и черныя клювы мерцали въ ночи;
любовь поднималась, какъ клетоть на скалы...
но крылья затихли... и солнца лучи
текутъ и пронзаютъ, холодныя тонкія жала.

Все въ ночь обращается... слышишь... все въ ночь...
и въ солнцѣ безсолнечномъ, въ темныя годы,
я вижу тебя отступающей въ ночь,
въ пустыя пространства жестокой и спящей природы.

*

* *

Болѣзнь коснулась моего плеча,
И сразу стало просто и понятно,
Зачѣмъ изъ ночи выплыла свѣча,
Роняя розовыя пятна.

Отъ звона колоколенъ за окномъ
Торжественнѣе будетъ сердце биться,
Когда слова низринутся дождемъ
На распростертую страницу.

Отъ губъ сухихъ и отъ тяжелыхъ рукъ
Ты — далеко и мнѣ тебя не надо,
Ты — какъ въ туманѣ уходящій звукъ,
Какъ предзакатная прохлада.

И мой уходъ торжествененъ и простъ,
Уже легки, по новому, колѣни —
Я знаю, ты принеси мнѣ ворохъ звѣздъ
Въ тепличной свѣжести сирени.

*
* *

Вѣтеръ долго метался въ полѣ
У семафоровъ на черномъ развѣздѣ;
Проволки были отъ жгучей боли,
Ждали неслыханной страшной вѣсти.
Стали перроны темнѣй и глуше;
Поѣздъ твой миновалъ вокзалы.
Я задыхалась въ плѣну подушекъ,
Я начинала читать сначала
Наизусть безсвязныя строки
Писемъ, неполученныхъ мною.
Тихо плакали водостоки,
Ночь сочилась мутной водою.
И любовь умирала трудно, —
— Билась долго, крылья изранивъ.
Поѣздъ на путяхъ безпробудныхъ
Заблудился въ глухомъ туманѣ.
Только я, съ пустыми руками,
Выйдя въ мутный, сырой разсвѣтъ,
Развернула душу — какъ знамя,
Бѣлое знамя тебѣ вослѣдъ.

*
* *

Я сосчитать ударовъ не могла;
Опять часы смятеннѣе и рѣже.
Все тѣхъ же парковъ неусыпна мгла
И улицъ перелеты тѣ-же.
Маячатъ одинокіе углы
И пустота звенить у изголовья.
И только версты длинны и свѣтлы,
Насквозь пронзенныя любовью.
Безсильныхъ слезъ уже не удержать,
А радости такъ было мало.
У дальнихъ стрѣлокъ снится сторожамъ
Дрожаніе колесъ на шпалахъ.
Но невозможенъ больше твой возвратъ
Изъ страшнаго невѣдомаго края.
Опять часы... И новый часъ расплатъ...
Я не боюсь. Я умираю.

*

* *

Плаваешь пламя
Плоскихъ свѣчей,
Падаетъ память
Въ прорубь дней,
Плавится солнце,
Распяты дрожить,
Полное ~~солнце~~ сердце
Опять ворожить.

Прошлое вспрянетъ
Пришлой тоской,
Смутной, минутной,
Скользящей такой.
Ласкою льстивой
Сломить мечту, —
Ту силу могилой
Запечатлю.

*
* *

Я пойду въ ту комнату одна,
Со свѣчей — гдѣ мракъ такой густой —
Испытать весь страхъ до дна,
Чтобъ вернуться тихой и простой.
Чтобъ легко мнѣ было въ свѣтлотѣ
Проходить по солнечному дню,
Чтобъ въ его скользящей теплотѣ
Не замѣтить, какъ идешь ко дну.
Чтобъ была улыбка на губахъ
Даже, если солнце упадетъ,
И въ глазахъ останется лишь страхъ
Вѣры той, что мракъ не украдетъ.

*
* *

У Ангела крылья **ра**стрѣлены —
Такъ бываетъ у птицъ.
Стынуть на крыльяхъ расщелины
Стрѣльныхъ зарницъ.

Вѣдь ему никогда не повѣрятъ,
Что онъ былъ живой,
Мертвыя склеены перья
Святой водой.

Лебедь плыветъ медленно,
Падаютъ съ неба звѣзды.
Кто-то кличетъ въ ночи потерянно,
И чьи-то плывутъ слезы.

СТИХИ О ГУЛЛИВЕРЪ

1

Тишина какъ глухая пещера,
крѣпко спитъ лиллипутья страна;
только душная ночь Гулливера
вновь съ пустыми руками — безъ сна.
Гулливверъ, на листахъ иллюстрацій
ты на бодраго янки похожъ,
ты раскатисто долженъ смѣяться,
чтобъ спасти эту дѣтскую ложь.
Но безсильная горечь по крысьи
гложетъ сердце все глубже и злѣй, —
головой ты въ заоблачной выси,
а ногами — на этой землѣ.
И надъ сердцемъ твоимъ безъ опаски
лиллипуты ведутъ хороводъ,
и твою простодушную маску
букинисть на прилавокъ кладетъ.
Гнѣвной рифмой хмелѣй на разсвѣтѣ!
Чахнетъ муза съ тобою въ плѣну,
и завидуютъ малыя дѣти,
что нашель ты такую страну.
Задыхаешься, плачешь и стонешь,
окружилъ мелюзгой тебя Свифтъ,
и широкія эти ладони
подымаютъ ихъ къ солнцу какъ лифтъ.
И сквозь строй заколдованныхъ сутокъ
по игрушечнымъ верстамъ равнинъ
гонять душу твою лиллипуты,
заклейменную словомъ — «одинъ».

2

Томясь въ тискахъ обложки сѣрой,
еще не предано землѣ,

лежить безсмертье Гулливера
огромной книгой на столѣ.
Спѣша взволнованно пробратся
сквозь сонъ библиотечныхъ лѣтъ,
надъ темнымъ плѣномъ иллюстрацій
растетъ и крѣпнетъ силуэтъ.
И вотъ, круша ногой булыжникъ
миніатюрной мостовой,
вновь Гулливеръ изъ ночи книжной
выходитъ въ городъ неживой.
Опять напрасно ожидала
душа увидѣть въ этотъ разъ
дома размѣровъ небывалыхъ
и надъ собой фонарный глазъ.
Какъ надоѣло Гулливеру
на гномовъ сверху внизъ смотрѣть!
Гдѣ души равныхъ по размѣру?
Гдѣ все смиряющая смерть?
Склонись — торопятъ лиллипуты
рѣзвиться съ ними въ чехарду, —
вотъ такъ пустѣютъ склянки сутокъ
двѣнадцать мѣсяцевъ въ году!
Зачѣмъ придумалъ сочинитель
улыбку бодрую тебѣ?
Ты гнѣвно рвешь гнилыя нити,
и крошки воютъ, оробѣвъ.
И снявъ со всѣхъ границъ запреты, —
— какъ безграниченъ строкъ просторъ!
у самага плеча поэта
душа сгораетъ, какъ костеръ.
И гранки заслоня тѣнью
густыхъ рѣсницъ, ты видишь тутъ —
вѣнокъ чудесныхъ приключеній
кладеть у гроба лиллипутъ.

ГАДАНЬЕ

Разложены черныя пики
надъ сердцемъ твоимъ вѣнцомъ,
наѣво король двуликій
съ дорогой въ трефовый домъ.
Любовь твою радость погубить,
смотри, — подъ сіяньемъ коронъ
уже улыбаются губы,
уже розовѣетъ картонъ.
И снова горячія руки,
какъ голуби на плечахъ,
цыганка гадаетъ разлуку,
и медленно таетъ свѣча.
У троекъ недобрыя вѣсти,
девятка обиды сулить,
и съ пиковой дамою вмѣстѣ
злосчастное горе спѣшитъ.
Что было? За мастью червонной
улыбка, какъ спрятанный кладъ.
Что было? Темно и безсонно
январьская ночь протекла.
Что будетъ? Нежданная встрѣча,
но снова сжимается грудь —
крестами трефово отмѣченъ
на вечеръ предсказанный путь.
Зоветъ дружелюбная дама,
торопить вернуться назадъ,
но ты выбираешь упрямо
дорогу, ведущую въ адъ.
Вся жизнь подъ колодою клейкой
и ножъ надъ червоннымъ тузомъ, —
четыре руки-злодѣйки
сметають карточный домъ.

О Г Л А В Л Е Н І Ё :

	Стр.
<i>Евгеній Гесенъ</i>	
Окно	5
* * * Какая тѣнь связала ихъ	6
* * * Узоръ легчайшей на окнѣ	7
<i>Алла Головина</i>	
* * * Отходя отъ сновидѣній ночью	8
Деревенское кладбище	9
* * * Бродила комнатою	10
<i>Кириллъ Набоковъ</i>	
* * * Шуршанье въ кустахъ	11
* * * Въ зеркальныхъ ледянистыхъ лужахъ	12
In memoriam Hoelderlin	13
<i>Татьяна Ратгаузъ</i>	
* * * Болѣзнь коснулась моего плеча	14
* * * Вѣтеръ долго метался въ полѣ	15
* * * Я сосчитать ударовъ не могла	16
<i>Тамара Тукалевская</i>	
* * * Плаваетъ пламя	17
* * * Я пойду въ ту комнату одна	18
* * * У Ангела крылья подстрѣлены	19
<i>Эмилія Чегринцева</i>	
Стихи о Гулливерѣ	20
1. Тишина, какъ глухая пещера	
2. Томясь въ тискахъ обложки сѣрой	
Гаданье	22

**Настоящій III-й выпускъ неперіодиче-
скаго сборника „С к и т ъ“ вышелъ
въ маѣ 1935 года подъ редакціей Н. Е.
Андреева и Т. В. Тукалевской № 6-мъ
въ серіи изданій „С к и т а“ подъ
общимъ руководствомъ А. Л. Бема въ
количествѣ 200 экземпляровъ. Сбор-
никъ напечатанъ въ типографіи Фр.
Худомела въ Гостиваржѣ у г. Праги.**

„СКИТЬ“

СТИХИ И ПРОЗА

Серія изданій подь общей редакціей

А. Л. Бема

1. Вячеславъ Лебедевъ. Звѣздный Крень. Стихи. Прага. 1929 г. 36 стр.
2. В. Г. Федоровъ. Судь Вареника. Разказы. Прага. 1930 г. 156 стр.
3. „Скитъ“. Неперіодическій сборникъ. Вып. I. Стихи: Алла Головина, Вячеславъ Лебедевъ, Владиміръ Мансветовъ, Вадимъ Морковинъ, Кирилль Набоковъ, Татьяна Ратгаузъ, Эмилія Чегринцева. Прага. 1933 г. 20 стр.
4. „Скитъ“. Неперіодическій сборникъ. Вып. II. Стихи: Алла Головина, Вячеславъ Лебедевъ, Владиміръ Мансветовъ, Вадимъ Морковинъ, Татьяна Ратгаузъ, Эмилія Чегринцева. Прага. 1934 г. 16 стр.
5. Алла Головина. Лебединая карусель. Стихи. „Петрополисъ“. 1935 г. 64 стр.
6. „Скитъ“. Неперіодическій сборникъ. Вып. III. Стихи: Евгенийъ Гессенъ, Алла Головина, Кирилль Набоковъ, Татьяна Ратгаузъ, Тамара Тукалевская, Эмилія Чегринцева. Прага. 1935 г. 24 стр.
7. Эмилія Чегринцева. Стихи. Готовится къ печати.

Адресъ для сношеній:

Dr. A. Bem. Bučkova 597. Prague XIX. Tchécoslovaquie.

Складъ издавiя:
Petropolis-Verlag A. G.
Berlin W 15
Meinekestrasse 19

Для Франціи и Бельгіи:
Maison du Livre Etranger
Paris VI
9, rue de l'Épéron